

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

И. А. Ильинъ.

ДУХОВНЫЙ
СМЫСЛЪ
ВОЙНЫ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. д.
Москва. — 1915.

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

И. А. Ильинъ.

ДУХОВНЫЙ
СМЫСЛЪ
ВОЙНЫ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д
МОСКВА.—1915.

Николаю Карловичу

Метнеру.

1.

Теперь уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что русскій народъ испыталъ и испытываетъ настоящую войну, какъ *призывъ*, — какъ призывъ, отвѣтить на который составляетъ для него не только правовую обязанность, или моральный долгъ, но живую духовную потребность. Мы словно проснулись и опомнились, поняли, что надъ нами стряслось, и почувствовали, какъ вновь загорѣлось въ душѣ древнее *чувство родины*. И вотъ мы сами, охотно, доброю волею, дѣлаемъ то, что нужно для побѣды; мы не нуждаемся въ чужомъ понужденіи и сами не заставляемъ себя служить не-любимому, постылому дѣлу; мы ждемъ лишь указаній: что нужно сдѣлать; а сила духовнаго подъема даетъ намъ желаніе и энергію.

Что же это за призывъ и откуда онъ? Что зоветъ насъ? Что заставило насъ возстать и доброю волею принять на себя бремя великой и напряженной народной войны?

Съ дѣтства привыкаемъ мы жить, сосредоточиваясь на непосредственныхъ и «ближайшихъ» интересахъ небольшого круга людей, будь то семья отца и матери или семья, основанная нами. Мы незамѣтно, но прочно свыкаемся со всевозможными перегородками и раздѣленіями, обособляясь и отъеди-

няясь во всѣ стороны, нерѣдко съ тѣмъ бѣльшею настоячивостью, съ тѣмъ бѣльшимъ увлеченіемъ, чѣмъ меньше имѣется для этого объективныхъ и существенныхъ основаній. Душа наша обрастаетъ цѣлымъ множествомъ узаконенныхъ ледяныхъ покрововъ, избавляющихъ насъ отъ необходимости «отвѣчать» на призывъ, если онъ «чужой», и отзываться на бѣду, если она не «наша». Мы живемъ, не замѣчая, что это кольцо «нашего» постоянно тяготѣетъ къ уменію и суженію, и что cadaго изъ насъ влечетъ центростремительная сила самосохраненія. Величайшее нравственное и духовное разъединеніе царитъ въ современномъ обществѣ. У всякаго своя, особая цѣль въ жизни, свой интересъ, отдѣльный отъ другихъ; ибо кто же еще, кромѣ меня, полагаетъ своею главною жизненною цѣлью мое личное устроеніе и благополучіе? Если я самъ не буду заботиться о себѣ всѣми силами души, то кто же позаботится такъ обо мнѣ? Никто, конечно; а если бы нашелся такой человѣкъ, то развѣ не опуталъ бы онъ тотчасъ же мою жизнь требованіями отвѣтнаго вниманія, имѣющаго вознаградить его за его старанія? Кто изъ насъ умѣетъ любить «не для себя»? Чья любовь не подавляетъ любимаго своею требовательностью?

Наши души разъединены именно потому, что каждая занята *своей* заботой, *своею* судьбою, *своимъ* устроеніемъ; и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, своекорыстіе семьи и своекорыстіе индивидуума суть явленія одного порядка. А между тѣмъ, при такомъ положеніи дѣлъ, цѣли другихъ въ обществѣ подобны моей, но не совпадаютъ съ ней: каждый — за себя и о себѣ; каждый «понимаетъ» (въ лучшемъ случаѣ) себя и «не понимаетъ» другихъ;

и наши повседневныя бесѣды и обычные споры, въ которыхъ каждый слушаетъ только себя и глухъ для мысли другого, выражаютъ именно эту глубокую разъединенность душъ. Каждый ищетъ своего и живетъ насторожившись, недовѣряя другимъ, часто безсильный передъ «потемками» чужой души. Каждый щедръ для себя и «не имѣетъ» для другихъ; и кажется иногда, что скоро доброта сердца истаетъ въ людяхъ безъ остатка.

Какъ это привычно, какъ элементарно и общеизвѣстно; и въ то же время какъ тяжело!.. И такъ привыкаемъ мы къ этому, что нерѣдко искренно удивляемся самой возможности говорить о другомъ и видимъ въ этомъ проявленіе наивности, или безтактнаго чудачества. Пусть безпокойные и неудобные мечтатели, подобные Льву Толстому, говорятъ объ иномъ, обнаруживая свою явную неспособность къ «практической жизни» и побуждая «легковѣрную молодежь» относиться серьезно къ этому «безпочвенному идеализму»; «большинство» будетъ попрежнему ставить всѣ вопросы жизни на «единственно-реальную» почву личнаго интереса и «трудно» будетъ тѣмъ, которымъ не удастся примириться съ этимъ «неизбѣжнымъ» «минимумомъ» житейской черствости.

И даже «сочувствіе» и «солидарность», объединяющія насъ на моментъ или на срокъ, слишкомъ часто лишены истиннаго и глубокаго значенія: временныя параллели въ личныхъ судьбахъ и путяхъ у двухъ своекорыстныхъ людей не могутъ взрастить сѣмени добра.

И вотъ война вторглась неожиданно въ нашу жизнь и заставила насъ горѣть не о себѣ и работать

не для себя. Она создала возможность взаимнаго пониманія и довѣрія, она вызвала насъ на щедрость и пробудила въ насъ даже доброту.

Война насильственно вдвинула въ наши души одинъ *общій* предметъ; она противопоставила нашему мелкому повседневному «здѣсь» — нѣкое великое «тамъ» и потрясла насъ этимъ «тамъ» до корня. То, что было «здѣсь» не исчезло послѣ начала войны, но на ряду съ нимъ выдвинулось что-то *новое* и, можетъ-быть, даже заслонило повседневность. Каждая душа слышала зовъ и отъ каждой протянулась куда-то нить, напряглась и задрожала и связала душу съ другими въ одномъ, сразу, далекомъ и близкомъ «тамъ». Всѣ нити встрѣтились въ этомъ общемъ пунктѣ и скрѣпили народъ въ единство. Все, что «оттуда» стало важнымъ; ибо то, что «тамъ», оказалось роднымъ и дорогимъ и существеннымъ, и притомъ какъ бы при смерти больнымъ. Оно тоже для каждого «мое», но по особому «мое»: такое «мое», что *не только мое*, но и мое и чужое. Оно — *наше*; оно — общее. Это пунктъ, гдѣ радость не одинока и гдѣ горе раздѣлено, ибо тому, чему я радуюсь, радуются и другіе; и то, что тяготитъ меня, угнетаетъ и другихъ. Оказалось, что всѣ имѣютъ общій предметъ любви и заботъ. Оказалось, что есть пунктъ, въ которомъ моя любовь, мое волненіе, моя боль, мое усиліе, горятъ о томъ же, о чемъ горятъ другіе люди, *чужіе* мнѣ. Но, если такъ, то они мнѣ уже не чужіе... И вотъ таетъ чуждость и смягчается изолированность людей. Въ минуты подъема и волненія теряетъ даже смыслъ дѣленія на «знакомыхъ» и «незнакомыхъ»: люди, впервые видящіе другъ друга, уже соединены гдѣ-то, въ самомъ важномъ. У нихъ уже есть знаніе другъ о